

Багульник

Он опять не зацвел.

Каждый год она покупала в переходе у очередной бабули пучок скукоженных палок, которые хранили среди заиндевевших листьев чудо, знакомое с детства. Багульник, на самом деле вереск, хотя какая разница, каждый год превращал тайгу в сказочную страну феи Драже – сиренево-розовую, в кремовое облако, уголок Фата-Морганы, торт «Полет»! И они с мамой по весне ездили за город любоваться – как японцы на сакуру, каждый раз говорила мама.

Первые годы жизни в Москве, в голодном студенчестве, когда человек живет верой в чудо, багульник исправно выбрасывал нежные звезды.

А потом – не стал. Она ставила ветки в кипяток, добавляла сахар и даже мед. Бесполезно. Не говоря уже о том, что мед с кипятком – страшная отравка, говорят, вызывает рак, хотя какая разница багульнику? Правдолюбцы в интернете писали, что покупать у бабок ветки двойная глупость – потому что растение в Красной книге, а наипаче, потому что он находится в вегетационной спячке, и не проснется, такова природа.

Все чушь, конечно. Дело было в другом – сбились часы, время что-то там вывихнуло или растянуло (смотря в каком переводе), выгорела сердцевина, быстрее завертелось колесо сансары, ангелы отвернулись, Бог устал нас любить. Ведь цвел же он раньше? Моя святая тайна, мой вересковый мед...

В декабре стало совсем невыносимо.

Благотворительный фонд, в котором она трудилась пиарщиком, в очередной раз выгоняли из насиженного офиса. В метро толкались нарядные цветастые дети с новогодними подарками, которых агрессивные мамыши

старались усадить в обход всех. Надо было ехать по делам наследства – непременно до Нового года, потом не вырваться.

К этой поездке она готовилась как раз те полгода, которые прошли со смерти мамы. Она стала сдавать сразу после смерти бабушки и последний год жила с сиделкой, которую надо было постоянно контролировать из Москвы и держать в тонусе.

Претензий к маме было много, и первая – имя. Клавдия. Оно отдавало половой тряпкой, совком, неволей. Кто так называет детей – спрашивала она лет с 10. Что за анахронизм, что за Клавдия Захаровна в 84 году, накануне заката империи? Клаша из города Зима. Клаша-простокваша. Дали Клаше простокваши – говорит, мол, дайте каши – дразнили в саду. Жуть. С другой стороны, были и Клаудиа Шиффер, кумир юности, (но тоже, если посмотреть – в переводе «клаудиа» означает, извините, «хромая»), и Кардинале, мамина любовь, красная палатка, фильм 69 года, не путай с «Красной пустыней», 64 года, там Моника Витти, а это совсем другое – ответ на наезд, в честь кого и зачем.

И далее – музыкальная школа. Мама была учителем музыки и пребывала в святой уверенности, что все необученные нотной грамоте – недочеловеки. А всего и осталось воспоминаний от школы, что объятия пухлой Светланлексевны (как же Клаша любила ее!), да картинки из сборника Артоболовской «Хрестоматия маленького пианиста», больше всего – картинка «Где ты, Лёка?», там сидел такой несчастный пес, брошенный мальчишкой, точнее его родителями, все понявший об этом мире.

Этот сборник теперь лежал в ее комнате в старом доме, вместе с любимыми детскими книжками, которые так целительно было листать по приезде – в том числе и Маршака, и Чуковского – они оба переводили любимое про Робин-Бобина, который в детстве и пугал, и восхищал ее – шутка ли, все слопал! Да еще и недоволен!

Он притворялся пухлым добряком в цветном кафтане, мимикрировал под сытого весельчака, но Клаша была умная девочка и давно поняла, что под грудями сдобы и жира, под этим карнавальным костюмом и раблезианским хохотом – костлявый остов, ненасытное чудовище, которое сожрет всех, слижет, всосет, перемелет, рано или поздно. Не только двух овечек и барана, телегу и дугу, вообще – все. Кто-то может торопить его приход, например, друг детства Леша, сын учительницы музыки, любимой Светланлексевны – настолько с ним заигрался, что теперь часто бывает в реабилитационном центре, который лечит от зависимости (включая зависимость от солей и спайсов, как говорится у них на сайте). Центр называется «Багульник».

Но в основном люди пытаются забыть о Робине, заслониться от него. И заслонки могут быть разные, им несть числа. Мама, например, заслонялась сборником Артоблевской, 21-м концертом Моцарта, старыми пластинками, поездками в иркутскую филармонию. Бабушка – отбивалась томиком Чехова, «Записками об Ахматовой», Розенталем. Светланлексевна – Псалтирью, воюет за Лешку с Робиним. Клаша – тем, что старается работать ради людей, как она себе часто повторяла в последнее время, карьерой в области системной благотворительности. Но он тут, рядом, гадкий Робин, бабушка бы, наверное, процитировала дневник Толстого того периода, когда граф сильно болел этой темой: «Смерть тут, рядом, под кроватью». Граф даже есть не мог в то время и прятал от себя веревку – бабуля все знала.

Но раньше между Клашей и Робиним стояли две старые девочки, учительница литературы и учительница музыки, две интеллигентные «дементные старухи» (как, по свидетельству Корнеевны, называла Ахматова подругу первого мужа, их кстати, тоже слизнули, всех – и Ахматову, и Гумилева, и Чуковскую, и самого Чуковского с Маршаком, переводивших стихи про Робина). Ее девочки стояли посреди стылого хаоса, они были первыми в очереди по закону природы. Но теперь их нет – Где ты, Лёка? Она осталась одна, и один на один с ним, с Робиним. И от него не улизнешь.

Такие дела.

Станция Зима.

Багульник не расцветет!

Ей впервые предстояло войти в вымороженный дом, стылую развалюшку, опустошенное гнездо, по которому Робин уже мазнул языком, отчий дом, который никогда не был в обычном смысле отчим, в нем не было отца, мужчины, начала, которое могло научить не бояться Робина. Надо как-то войти туда, выжить, пережить эту ночь, а завтра дожидаться юриста из Иркутска, все оформить, но главное сейчас – войти в этот холодный ад, войти, не бояться...

...В доме – как удар – вдруг оказалось тепло, так не бывает, пахло жизнью, и это был запах нагретого воздуха, пирогов, кипящего чайника, и еще – живого леса, коры, пробуждения. В комнате все было розовое – это цвел багульник, много букетов, которые заняли все банки, вазочки, скляночки, бокалы, какие только были в доме. Из кухни вышла Светланлексевна, в фартуке, с закатанными рукавами, со своими пухлыми, похожими на булки, локтями.

– А ты уже приехала? Вот счастье-то! А я решила прибраться слегка – мне Лешка сказал, что ты 24-го вечером будешь! Ты же по этому, как его, по вацапу этому вашему, писала ему? Ну! Думаю, пойду, у соседа вашего, Петровича, ключ возьму – пошурю. Протопила как надо, пирог с капустой, да багульника нашего нарезала сама, Лена ведь как любила его, Царствие ей небесное, думаю, авось и раскроется к твоему приезду! Все банки выгребла под него. Красота, да? Вот Лена бы... Да ты чего плачешь, что ли, Клашенька? А? Случилось че? Не? Ну Господь с тобой, поплачь! Оно как бывает хорошо! Поплачешь, бывает, сердце-то и пооттает слегка, как ветки эти, а то, гляди – и зацветет. Плачь, девонька, плачь... Приехала – счастье-то какое!

В ту ночь багульник победил Робина.